

18+

Николай Бредихин
Руслан Бредихин

Последняя империя

Социально-психологический роман

**Руслан Бредихин
Николай Бредихин
Последняя империя.
Социально-
психологический роман**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63698471
ISBN 9785005308658*

Аннотация

Действие романа «Последняя империя» Николая и Руслана Бредихиных происходит в конце «лихих 90-х». Главный герой – политэмигрант Ролан Ожье незадолго до перестройки, находясь в туристической поездке в Италии, принимает решение остаться за границей. Его попытки после побега воссоединиться с семьей терпят неудачу: жена вычёркивает его из своей жизни. И вот неожиданно много лет спустя он получает письмо из Москвы от сына с просьбой о помощи. Ожье, не раздумывая ни минуты, садится в самолёт.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	42
Глава 7	51
Глава 8	55
Глава 9	64
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Последняя империя Социально- психологический роман

Николай Бредихин
Руслан Бредихин

*Империя – это война, мракобесие и тирания,
отчаянно клянущиеся, что когда-нибудь они
превратятся в братство, истину и свободу.
А. Камю*

Автор и дизайнер обложки Кирилл Бредихин

© Николай Бредихин, 2021

© Руслан Бредихин, 2021

ISBN 978-5-0053-0865-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава 1

Морис повертел перед глазами бокал, задумчиво разглядывая преломлявшиеся в красном вине блики солнечного света.

– Я не расстроен, просто жаль, что у тебя так глупо пропадает отпуск. Мы ведь всё распланировали: Ла Рошель, Бардо, Биарриц. Возможно, даже Испания, если останется время. Бискайский залив – Большой Бискайский Рывок. И что же теперь? Всё отменяется?

Ролан промокнул салфеткой губы и, удовлетворенный, откинулся на стуле.

– Да, настоящий домашний обед, ничего не скажешь, – погладил он себя по животу. – Полжизни можно отдать за такое наслаждение.

– Нет ничего проще: приходи почаще, – пожал плечами Морис. – Но ты не ответил на мой вопрос.

Они сидели в гостиной Дюрана. Старинная массивная мебель, и, конечно же, книги: «бумажные слёзы» – любовные романчики в мягких обложках, которые выпускало издательство самого Дюрана, и столь обожаемая им мировая классика в добротных твёрдых переплетах. Немалое место

на полках было отведено подборке русских классиков: Чехов, Толстой, Достоевский.

– Приходить почаще? – усмехнулся Ожье. – Так недолго и чревоугодником стать. Что может быть опаснее при моей профессии? Но я не понимаю, с чего ты взял, что я просижу в России целый месяц? Обычно уже через неделю мне там всё осточертевает до тошноты. А что касается «наших планов»... вообще насчёт Валери: неужели тебе не наскучило столько лет забрасывать свои дырявые сети, старый прохиндей? И почему ты вдруг решил, что я ей пара? Ей ещё не было и пятнадцати, когда тебя вдруг столь нелепая идея посетила. Может, отчасти ты сам виноват в том, что твоя дочь одинока? Во всяком случае, в её разводе с Франсуа ты сыграл не последнюю роль.

Дюран шутливо развёл руками, ничуть не обиженный, даже развеселившись словам друга.

– За одного битого двух небитых дают, зачем упрекать девчонку в том, что в мужья ей достался болтун и бездельник? Ну а я ни во что не вмешивался, только наблюдал. Даже не успел высказать своё мнение: пижончика-вертопраха как ветром сдуло. Другое дело потом, когда он вздумал на нас поживиться. Тогда уж я действительно в стороне не остался. Но ты не увиливай. Причём тут Валери? Речь ведь идёт о нашей дружбе. Я вовсе не собираюсь лезть к тебе в душу, Ро-лан, но, по-моему, ты переживаешь сейчас далеко не лучшие времена, не мешало бы взбодриться. Жанну не воскресишь,

да и три года вполне достаточный срок, чтобы прийти в себя. Что касается Катрин, то когда-нибудь она поумнеет и непременно вернётся к отцу, к кому же иначе ей возвратиться?

Ролан вспыхнул, затем взял себя в руки. Морис, Морис, разве можно на него обижаться? Безупречно одет, выдержан, образован, но временами он производил впечатление большого ребёнка.

– Двое детей, и для обоих я чужой, двое из совсем разных миров, а я как бы посередине – может в этом всё дело? Почему ни с одним из них я не могу найти общий язык? Что мне остаётся? Завести третьего ребёнка? Например, с Валери?

Дюран допил вино и отставил бокал в сторону.

– А что, неплохая мысль. Тогда бы ты уж точно стал чревоугодником. Но я опять не о том: они вернуться, обязательно вернуться. Вот видишь, сколько лет прошло, а Сергею ты всё-таки понадобился.

Ожье посерьёзнул.

– Как ты думаешь, зачем?

– Мир прост, все сложности в нём только выдумываются. Деньги, всего лишь деньги. Рано или поздно он должен был их попросить. По твоим рассказам живётся ему совсем не сладко.

– Не могу утверждать, – покачал головой Ролан. – То, что мне часто приходится бывать в России, не значит, что я слежу за его судьбой. Достаточно сказать, что последний раз я видел своего возлюбленного сыночка, когда ему было двена-

дцать лет. И то издалека. Я его даже не узнал бы сейчас, если бы встретил где-нибудь на улице.

– Но ты говорил, что он стал журналистом. Может, пошёл по стопам отца?

Ожье поморщился.

– О господи, не сыпь мне соль на рану. Не видел ни одной из его публикаций. Просто у нас осталось несколько общих знакомых. В целом, портрет не из самых романтичных. Пишет на заказ пачкотню какую-то. До собственного имени не дорос, пробавляется больше под псевдонимами. В основном трётся в политике. Наверное, там платят больше. Ещё я знаю, что у меня есть внук, ему семь лет, зовут Ромкой. Может, с ним мы когда-нибудь подружимся? Я не случайно дал почитать тебе письмо: что-то мне в нём не нравится. Ну а насчёт взбодриться – тут ты, безусловно, прав. Я, конечно, надеялся, ждал, что когда-нибудь Сергей одумается, но уже как-то привык в мыслях обходиться без него. Катрин – вот кто по-настоящему меня беспокоит. Её вечеринки, дружки, наркотики. Но я ничего не могу с ней поделаться: квартиру, вещи – я всё оставил любимой доченьке, по своей дурацкой русской манере, а деньгами тётки снабжают её сверх всякой меры. Она совершенно во мне не нуждается, да и никогда не будет нуждаться: я для неё просто чужой человек. Странно, ведь мы с Жанной были так счастливы вместе. Если бы не проклятый рак...

Они некоторое время молчали, затем Морис проговорил,

осторожно коснувшись плеча друга.

– И всё равно, это не повод, Ролан. Может, дочь как раз и отшатнулась от тебя из-за твоего излишнего увлечения, как бы помягче выразиться... Бахусом в последнее время?

Ожье хотел было огрызнуться, но сдержал себя. Увлечение Бахусом... И надо же было Морису такое сморозить! Хотя, с другой стороны, промолчать он не мог. И конечно, он прав.

– Жена, дети, – не унимался Морис, – мне понятны твои переживания, но так ты можешь потерять последнее: деньги, престиж, работу.

– Ладно, – Ожье резко поднялся, такого он уже не мог вынести. – Думаю, у тебя ещё будет время меня попилить. Через неделю я вернусь, на отсрочку не надейся. Да, ты ведь что-то говорил о сюрпризе?

– Яхта, – довольно улыбнулся Дюран. – Совсем крохотная, но я не мог удержаться: согласись, ведь это не в пример лучше, чем таскаться по побережью на автомобиле?! Я назвал её... Ни за что не догадаешься!

– «Валери». Поистине нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы такое разгадать, – сыронизировал Ожье.

– Подразумевается, что это подарок! – прокомментировала происходящее, ввозя поднос с десертом, сама героиня – немного полноватая, не слишком эффектная женщина лет тридцати пяти, с густыми, стянутыми в пучок волосами. – Хотя я не представляю себе, что можно делать с таким при-

обретением, разве что завести в любовники капитана?

– Что ж, очень удачная шутка, – Ожье поспешил откланяться. – Но мне пора. Надо успеть собраться. Хотя чемодан по привычке всегда наготове. Кстати, а что, если пригласить Катрин в наше путешествие?

Валери пожала плечами.

– Почему бы и нет?

Однако в голосе её прозвучали нотки недовольства.

Когда они остались одни, Валери с грустью посмотрела на отца.

– Ты в своём репертуаре, папа. Это ведь не этично – у себя дома, после угощения, даже на правах старого друга, упрекать человека, что он с некоторых пор стал слишком увлекаться спиртным. Да и вообще твоя навязчивая идея сосватать меня Ролану... Почему я кажусь тебе одинокой, несчастной? Пора бы уже понять, что сейчас не те времена, к которым ты привык. Ни для кого не секрет, что тебе не нравится Реми, но я с ним счастлива, и он, и наши отношения меня вполне устраивают.

– Как мне может не нравиться человек, которого я ни разу не видел? – с досадой пожал плечами Морис. – И что мне до ваших «отношений», в которых я при своих замшелых взглядах всё равно никогда не смогу разобраться: тут даже гражданским браком не пахнет. Но внука-то, по крайней мере, ты могла бы мне подарить? Такой подвиг тебя ведь ни

к чему не обязывает, живи и дальше как жила, гражданка Валери Дюран, я его сам как-нибудь выращу.

Дочь замялась.

– Понимаешь, па... ты опять же к другому привык. Но Реми не виноват, он просто не может!

– Не может что? – недоумённо спросил Дюран. – Ты мне этого не говорила.

– Не может зачать ребёнка, – развела руками Валери, и поспешила предупредить язвительные тирады отца. – Но это не трагедия: когда мы решим, с внуком дело долго не задержится: медицина сейчас далеко ушла. Однако ты мне так толком и не рассказал: что там стряслось у Ожье?

– Летит в Москву, – пожал плечами Морис, несколько обескураженный откровениями дочери. – Вроде как популярный сюжет: возвращение блудного сына. Что-то там Серёженьку его допекло в России, так что не исключено, что французов скоро станет как минимум на три человека больше. По всему чувствуется, тот ещё типчик, а Ролан как был, так и остался блаженньким, душа нараспашку. Даже Жанна не смогла его перевоспитать – наоборот, скорее испортила. Столько лет оберегала от семейных хлопот – немудрено, что теперь всё Катрин досталось.

Валери встревоженно посмотрела на отца.

– И, конечно, ты...

– Не мог не вмешаться в дела старого друга, – со вздохом признался Дюран. – Пойми, я хотел как лучше: букваль-

но заставил его купить в рассрочку квартиру, новый автомобиль. При его положении нельзя иначе. Кроме того, несмотря на свою пагубную страсть, он до последнего времени всё исправно выплачивал.

– Ясно, – кивнула дочь. – Ну а теперь этот Серёженька, который влез в какое-то дерьмо и, по наивности, считает своего папашу Крезом, вмиг перегрузит и без того едва держащуюся на плаву лодку. – Помолчав, она вздохнула в полном отчаянии: – Па, признайся, была в тебе какая-нибудь дурная славянская кровь? Или тут просто влияние «их» литературы? Почему ты меня вообще Катей или Наташей не назвал? А теперь ещё навязчивая мысль – обязательно выдать меня замуж за русского. Ну чем я перед тобой провинилась?

– Ролан – хороший человек, – упрямо помотал головой Дюран. Он и сам немного превысил свою норму за обедом. – И я знаю, что ты влюблена в него. Национальность тут ни при чём, не прикидывайся шовинисткой! Будь он хоть негром, только с ним одним ты можешь быть счастлива!

– Папа, папа, какой же ты ребенок, – вздохнула Валери. – Как ты не поймёшь: одно дело любить человека и другое – строить с ним совместную жизнь, даже просто быть его любовницей. – Немного поколебавшись, она всё-таки выложила на стол десерт: вазу с фруктами, торт собственной выпечки, кофейник, чашки, блюда мейсенского фарфора. – Зачем пытаться всё это соединить? Зачем сводить к одному все цвета радуги? Быть может, когда-нибудь я скажу себе: «Всё,

пора в жизни устраиваться!» – тогда и начну забивать голову подобными проблемами: что-то искусственно выстраивать, таскать всякий хлам в нору. А пока я предпочитаю довериться течению: куда вынесет, туда и вынесет. – Валери приблизилась к отцу, устроилась на подлокотнике кресла, в котором тот сидел, и ласково погладила его по голове: – А без внука или внучки, повторяю, я тебя так и так не оставлю. Могу и Ролана соблазнить, раз для тебя этот вопрос настолько важен. В конце концов, он такой же мужчина, как и все, и к нашему, прекрасному, полу никогда не был равнодушен.

Глава 2

Ролан уже несколько раз сдерживал себя от того, чтобы не притормозить возле какой-нибудь вывески с надписью «Бар». Но он был за рулём, да и за обедом у Мориса позволил себе немного лишнего. Хотя, разумеется, никто не давал права Дюрану вмешиваться в его личную жизнь. Пусть даже Морис был трижды его другом.

Ожье остановился перед светофором и, ослабив галстук, расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке. Ему вдруг стало не по себе. Нет, если уж Морис, деликатнейший, добрейший Морис... Собственно, с чего всё началось? На него так подействовала смерть Жанны? Сам испугался смерти? Нет. Причина действительно была только в Катрин. В ней, только в ней – маленькой злобной сучке, которую Бог послал ему в дочери. Господи, у них ведь была идеальная семья. Достаточно вспомнить все их путешествия: от Италии до Америки. Только в Россию он их не возил. А потом – потом Корсика, Лазурный берег, с какого-то времени они отдыхали только на юге Франции. И вдруг всё разрушилось: оказалось, что никакой гармонии, счастья никогда не было. Катрин призналась, что ненавидела его, Ролана, с самых юных лет. И даже не в ревности к матери было дело. Он всегда был для неё чужой, органически чужой, и никакой возраст, жизненный опыт никогда не смогли бы выправить здесь положение.

Лишь когда ему посигналили сзади, Ролан заметил, что на светофоре горит зелёный свет. Он бросил хмурый взгляд в боковое зеркало и тронулся с места. Надо быть внимательнее: в его состоянии не хватало только нарваться на дорожную полицию.

Вечерело. На Париж опускались бледные сумерки, тут и там пронизанные светом уличных фонарей и неоновых вывесок. Прохожие спешили по домам. У дверей ночных клубов собирались вызывающе одетые парни, девушки. Ожье внезапно подумал о том, что где-то среди них сейчас вполне могла находиться и его дочь.

Наверное, Дюран прав: надо было хотя бы материально поставить Катрин в зависимость от себя, но куда ему! Он выучил язык, законы, обычаи страны, которую боготворил с детства, но настоящим французом так и не стал, хотя и русским давно уже не считал себя.

И всё же: человек из иного мира... органически чужой... «Двое детей и для обоих я чужой. Двое из совсем разных миров, а я как бы посередине...» В какой степени это верно?

Париж, Париж – огромный, грязный, бессердечный город – такой же, впрочем, как и все остальные мегаполисы мира... Такой же, да не такой! Как там у Юрия Кукина?

Ну, что, мой друг свистишь,
Мешает жить Париж?

Ты посмотри: вокруг тебя тайга.
Подбрось-ка дров в огонь,

Послушай, дорогой
Он там, а ты у черта на рогах...

Чушь, выбор свой он давно уже сделал, ну а «отцы и дети» – тут, конечно, не гамлетовское «быть или не быть», но кого удивишь сейчас такой старой как мир проблемой?

Глава 3

Господи, и здесь одно и то же: бутылочки, стаканчики. Кальвадос, скотч, перно... Чего изволите?

Ролану стоило больших трудов так долго сдерживаться. Но он боялся испортить первое впечатление сына о себе и, кроме того, прекрасно знал, что такое Шереметьево. Обстановка, правда, всякий раз, при каждом его прилёте была иной, но больше менялись правила игры.

В самый первый его вояж, когда он в приподнятом настроении озирался по сторонам в поисках гэбистов, явившихся взять его под неусыпный надзор, мысленно напевая им в пику битловскую «Back in the USSR», приветливый и весьма разговорчивый частник, не мудрствуя лукаво, довёз его до ближайшего лесочка, где простофилю-иностранца давно уже с нетерпением поджидали. Тогда его просто отпустили с миром («Peace forever!»), без вещей и денег соответственно. Убийства были ещё не в моде, под расстрельную статью мало кому хотелось идти. Потом уже, наученный горьким опытом, Ролан предпочитал ездить на автобусе-экспрессе, какую бы очередь на него не нужно было выстаивать, стараясь при этом по возможности ничем не выделяться среди других пассажиров.

Однако на сей раз в очереди ему стоять не пришлось: буквально на выходе он увидел бумажку, на которой неровным

почерком была нацарапана его фамилия. Подняв глаза, Ролан посмотрел на человека, который в вытянутых руках держал двойной лист из школьной тетради.

Высокий рост, массивный подбородок и густые брови: нечто подобное тому, что перед ним было сейчас, Ожье видел в зеркале каждое утро. Сергей был так похож на него самого, что поначалу сходство показалось Ролану невероятным. Как и сама их встреча.

– Привет... – произнес хриплым от волнения голосом Сергей.

– Ну, здравствуй, сынок!

Последовала небольшая пауза, во время которой они внимательно разглядывали друг друга. Затем Сергей отвёл глаза в сторону.

– Как долетел?

– Нормально.

– Решил тебя встретить на всякий случай. Хоть ты и тёртый калач...

Без внимания они, конечно, всё равно не остались. Даже на платной стоянке какой-то коротко остриженный детина с издевательской улыбкой наблюдал, как Сергей поднимал капот, тщательно осматривал колёса своей выдавшей виды «копейки» – первой модели «Жигулей».

– Что, всё ещё пошаливают? – поинтересовался Ролан, когда они выехали на шоссе.

– Есть немного, – неохотно отозвался сын. – Поменьше,

чем раньше, но могут и до дома проводить, и на дороге остановить, если сигнал пройдёт, что ты «крупный карась» или я конкурент – расценки им сбиваю. – Он помолчал немного, затем мрачно добавил: – Со стороны взглянуть – вроде как ничего не меняется, но на самом деле меняется, причём довольно быстро. Только вот нетрудно догадаться, что тут за перемены.

– Как мать? – после некоторой паузы спросил Ролан. – Жива, здорова? Всё так же меня ненавидит? Кстати, ты известил её о моём приезде?

Сергей усмехнулся, провёл ладонью по «бобрику» на голове.

– Ну, ненавидит она тебя ничуть не меньше, чем раньше. Считает, что ты ей всю жизнь испортил, или, как она сама говорит, испоганил. Хотя верность тебе никогда не блюла: с самого начала постановила для себя, что ты умер, да и меня так настраивала годами. Второй муж у неё был, как тебе, быть может, известно, архитектором. Хлебная должность, но и нервная порядком. Вот и догнал человека инфаркт в цветущем возрасте. – Сергей вздохнул и поморщился. – Теперь наша Людмила Валерьевна мужичка-бобровичка: косая сажень в плечах, животик пивной. Душа-человек... На космос работает. Живут не шикают, но вроде как любовь у них. Он тоже один, вдовцом оказался, так что сошлись быстро. Я сначала не верил, думал – на месяц-два, но вышло совсем по-другому. – Он покосился на отца, затем

вновь вернул взгляд на дорогу. – Видимся мы с ней редко теперь: Королёв, где они живут, хоть и под боком, но особо не наездишься. Поэтому больше созваниваемся. Да, что ещё? О приезде твоём я её в известность не ставил, тут моя, сугубо личная, инициатива. Понимаешь, я недавно официально оформил развод с прежней женой, всё ей оставил, а тут к неожиданной любви ещё и негаданная дочь появилась, твоя внучка...

Он помолчал, затем добавил нехотя дежурную, но, как видно, доставшуюся ему огромными мучениями, фразу:

– Я никогда ни о чём тебя не просил...

Как ни крепился Ролан, он всё-таки не удержался, чтобы не расхохотаться.

– Чёрт побери! Ну надо же!

Сергея передёрнуло. Он даже хотел было остановить машину, но такого на трассе делать явно не следовало.

– Тебе смешно. Очень смешно? – проговорил он не с обидой даже, а с неприкрытой ненавистью в голосе.

– Да нет, скорее грустно, – Ролан был удивлён столь неожиданно резкой реакцией сына на его слова и поспешил придать лицу серьёзное выражение. – Ты просто не понял меня. Я даже немного тебе завидую. В нашем положении сейчас много схожего, но ты как-то быстро вывернулся, тебе повезло, а сам я до сих пор в полном дерьме. И тем не менее я очень рад, что с тобой увиделся. Как я понимаю, Ромку мне повидать вряд ли удастся?

Сергей кивнул.

– Если только с пригорка какого-нибудь, в бинокль. Там такой особняк! Охрана. Знаешь, некоторые ведь считали, что я женился по расчёту. Вот только почему-то получилось в итоге, что я остался с расчётом своим без последних порток.

– Ну а с новой как?

– А-а, совсем молоденькая девчонка. Но любит меня, да и я её тоже. Как говорится, любовь до гроба – дураки оба. Тесть – инженер, тёща – учительница, живут не в Москве – у чёрта на куличках, ко мне отношение хорошее, на внучку вообще наглядеться не могут. Но как же ты влип? Ты ведь у нас знаменитость. Я совсем недавно узнал об этом.

– В своих кругах, – уточнил Ролан, весьма довольный, что сын отдаёт ему должное. – Как я влип? Ну я, как и ты, всё оставил. Только не жене, а дочери. Жена умерла три года назад. Обвешался кредитами, концы с концами кое-как свожу, но не более того. Однако это мои проблемы, тебя они не затрагивают никоим образом. Даже мой самый близкий друг не знает, но почти сразу по приезде «туда» я постоянно перечислял в банк определённую сумму, наши знаменитые советские двадцать пять процентов, даже когда СССР уже не стало. Не знаю, сколько там, не уточнял, но сумма, должно быть, набралась изрядная. Хотя, по справедливости, надо бы вам как-то с матерью её поделить.

– Поделим, – задумчиво пробормотал Сергей. – Скажи,

тебе, как видно, «там» тоже несладко пришлось?

– Там свои трудности, – вздохнул Ролан. – А деньги я предлагал не раз вам, даже посылал, но только всё без толку.

Сергей, не отводя глаз от шоссе, боковым зрением видел, как отец разглядывает его. Ему и самому хотелось повернуть голову и долго, неотрывно смотреть на человека, который сейчас сидел с ним рядом. Может быть, где-нибудь там, в глубине, и отыщется то, за что он должен его боготворить? А пока – «галльский юмор», парижский шик...

– Знаешь, давай с самого начала, отец. Раз уж так вышло, что мы встретились, мне хотелось бы знать всю правду. Не только со слов матери.

– А времени хватит? – горько усмехнулся Ожье. – Нам ведь не так много ехать осталось.

– Ничего, сейчас остановимся, – ответил Сергей. – Спешить некуда: столько лет не виделись. Для чего же ты приехал иначе?

– Значит, суд, всё-таки суд... – угнетённо вздохнул Ролан, не удержавшись от последней, слабой попытки отшутиться: – Надеюсь, сыновний суд, по совести, не по-советски?

У Ожье не было никакого желания погружаться вновь в то давнее горькое прошлое, но угрюмое молчание Сергея лазек ему не оставляло. С чего начать? С той ночи в Риме, когда он спал как убитый, да и наутро ещё не подозревал, что совершит столь удививший его самого поступок?

Глава 4

– С самого начала... Да тут и в самом деле долго будет.

Им принесли две чашки кофе, пирожные. Народу в кафе было мало. Они расположились у окна, чтобы удобнее было наблюдать за машиной. Ролан попытался протянуть время, собираясь с мыслями, неторопливо помешивая ложечкой сахар-рафинад, но Сергей был само терпение.

– Не знаю, что именно тебе может быть интересно, – наконец приступил к исповеди Ожье. – Начало? В нём не было ничего особенного. Рос как все: ходил в школу, был пионером, сдавал макулатуру, металлолом. Потом – комсомол, институт, вместо макулатуры и металлолома – уборка картошки, студенческие отряды. Получил распределение инженером, женился, ты родился. Подвернулась путёвка в Италию по комсомольской линии: я всегда и везде ходил в активистах. Перед этим с твоей матерью были в Болгарии на море. Снова море увидеть – о чём ещё можно было мечтать? Никогда не числился в диссидентах, хотя к власти, как и у многих интеллигентов в то время, отношение было, мягко говоря, скептическое. Италией, естественно, был очарован, но не более того. Многое в ней поражало, но многое и настораживало...

Ролан отхлебнул кофе, который, на удивление, оказался не из самых плохих, зацепил ложечкой кусочек пирожного.

– Дальше... Что дальше? Гидом у нас была бывшая проститутка из Одинцово, до сих пор помню – Таней её звали. Ну, из так называемых «центровых», что на Тверской – тогда ещё улице Горького – ошивались. Красивая стерва, ничего не скажешь. Вышла замуж за итальянца – тривиальный сюжет. Над нами часто подшучивала, хорошо зная наш быт, но свои обязанности исполняла вполне профессионально. Лишь один раз, накануне отъезда, сидя с нами вечером в гостинице в Риме, как бы в шутку посоветовала: «Удрать? Да если кто захочет удрать, его никто не остановит. Надо просто доехать до аэропорта, сдать вещи, оформить вместе со всеми взлётные документы. А затем потихоньку выйти за дверь, взять такси и... ищи ветра в поле». Мы, конечно, тогда все дружно посмеялись: лови, лови нас, шлюшка одинцовская на свою гэбэшную уду, мы тут и так все проверенные-перепроверенные – на пустой крючок не поддеть!

Ролан искоса взглянул на сына, думая, что уже успел наскучить ему своими излишними подробностями, но тот слушал его самым внимательным образом, как будто внутренне ощущал себя в тот момент на его месте.

– Тебе и в самом деле интересно? – всё-таки уточнил Ожье.

– Да, очень, – напряжённо кивнул Сергей.

– Что ж, – вздохнул Ролан. – Тогда надо, наверно, ещё подробнее. Мы все были, как я уже сказал, проверенные и перепроверенные обыкновенные советские люди. Куда боль-

ше местных достопримечательностей нас интересовали магазины. Помнится, нам поменяли тридцать рублей. Ну что можно было купить на такую крохотную сумму? Однако надо учитывать психологию туриста из загадочного ЧиЧиЧи-Пи (так по-итальянски звучит аббревиатура СССР). Во всех городах первое, что мы искали – рынок, mercato, не веря тем уценёнкам, в которые нас возили подкупленные их хозяевами Таня и шофёр. И я поступал как все, ничем не выделяясь в общей массе: суетился, бегал по магазинам, пытался обменять сигареты, водку, сувениры хоть на какие-то гроши.

Ролан замолчал, разглядывая кофейную гущу на дне своей чашки. И хотя физически он по-прежнему находился в маленьком кафе на окраине Москвы, мыслями в тот момент он был далеко. Как в пространстве, так и во времени.

Воспоминания... Лишь теперь Ожье осознал, что они не оставляли его ни на день.

– И вдруг, уже в аэропорту Леонардо да Винчи во Фьюмичино, я неожиданно почувствовал себя то ли роботом, то ли зомби. Не думая о том, что тут могла быть обыкновенная провокация, действовал в точности по злополучному «одиноцковскому» сценарию, даже деньги заранее приберёг на такси... Перед тем, потерявшись на экскурсии в Венеции, я чуть не поседел от страха: что будет, если я «своих» не отыщу? Теперь же действовал как заправский подпольщик.

– А потом? Ностальгия, сожаление о своём поступке?

– Ностальгия? – Ролан усмехнулся. – Сынок, не верь тем,

кто говорит или пишет о таких вещах. Ностальгия – чувство, которое глодадо первую эмиграцию. Действительно, им было о чём тосковать. Они потеряли страну, которая на какой-то момент в стремительном порыве поднялась духовно в астральные выси и ещё долго потом питала душой и умом остальной мир. О чём было сожалеть нам, третьей волне? О Большой Тюреме? – Он вздохнул и посмотрел в окно. – Во всяком случае, у меня хватило ума понять, что я приехал не на курорт, и уж коли так получилось, что Бог подарил мне возможность прожить оставшуюся жизнь свободно, так, как я хочу, величайшей глупостью было бы подобной возможностью не воспользоваться.

– Но как же ты стал французом? – нетерпеливо спросил Сергей.

– Пришлось попотеть. В Италии в то время как раз находился самый большой (ну, может быть, после Австрии) пересыльный пункт для политэмигрантов, где нас постоянно допрашивали, вербовали, фотографировали, проверяли, провоцировали. Господи, чего только там с нами не делали. В общем, прессинг был довольно жёсткий: не на пироги приехали. А самое главное, висел над головой, как дамочков меч, постоянный страх, что отправят обратно. Ну и «наши», конечно, время даром не теряли: постоянно приходили всякие типчики из посольства, давили на психику, угрожали, напоминали о жене, сыне. Показывали письма Людмилы, в которых она уговаривала меня вернуться, ставя ульти-

матум, что иначе мы никогда не увидимся больше. Итальянские чиновники, цээршники, наоборот, видели во мне возможного шпиона. Потом постепенно отношение стало меняться: посольские отстали от меня, и началась агитация: звали меня и в Австралию, и в Канаду, и в Америку. Можно было и в Италии остаться. Но я был тверд как камень: Франция и ничего, кроме Франции. А во Франции – только Париж.

– Ну и как тебе Париж? Сейчас выбрал бы что-нибудь другое? Буковский, к примеру, в Англии прижился.

– Каждому своё, – скептически пожал плечами Ролан. – Буковский, кстати, один из немногих «наших» на Западе, кого я уважаю, но куда мне до него, в сравнении с ним я просто жалкий червяк. Если ты читал не только «...И возвращается ветер...», но и вторую его книгу – «Письма русского путешественника», то ты понимаешь, что я имею в виду. Написать правду о том, что у нас было, – полдела, а вот окунуть Запад лицом в его собственные – не грязь, нет – язвы – тут уже поступок. Но тогда не было времени для раздумий, надо было делать выбор, который был не просто сам по себе важен – он определял собой всю мою последующую жизнь.

– А дальше? Что было дальше?

– Я был тогда молод, плохо разбирался в обстановке, но, наверное, сработало что-то глубоко заложенное во мне: может гены, может инстинкт самосохранения. Сразу отвергнув различные варианты с «голосами», русскими общинами,

«Посевами», «Гранями», я поставил себе задачу стать полноценным гражданином той страны, которая столь любезно меня приютила. А это было нелегко. В незнакомой среде, без какой-либо помощи... Приходилось соглашаться на любую работу: официантом в бистро, грузчиком на рынке.

– И как же ты всё-таки выкарабкался? – Сергей слушал уже без прежнего напряжения – наоборот, на его лице появилась какая-то мечтательность – так, как если бы он сам находился сейчас в этом загадочном, столь много значащем для русского человека городе.

– Учил сразу три языка: английский, французский, итальянский, потом к ним ещё немецкий и испанский добавились, не вылезал из кинотеатров, тут же завёл себе подружку-аборигенку. Однако не знаю, что стало бы со мной без моего друга Мориса. Помню, он так хохотал, что из кресла чуть не вывалился, когда я принёс ему роман, да ещё написанный по-французски, но что-то там было, наверное какая-то свежая струя, если он всё-таки взял меня на работу. Сначала курьером, затем в отдел сбыта. И уже когда я достаточно освоился с языком, нашёл мне местечко в газете. Так потихоньку я и выкарабкался наверх, став в итоге одним из лучших спортивных журналистов не просто Франции, но даже Европы. Сбылась ещё одна моя мечта: я объездил практически чуть ли не весь мир, в своё время был если и не богат, то по крайней мере зажиточен. Да и сейчас положение у меня достаточно прочное, ну а личная жизнь... Думаю, и здесь

со временем дело наладится.

Глава 5

Они подъехали к неказистой пятиэтажке, так называемой «хрущобе», и вошли в подъезд, исписанный ругательствами, политическими призывами, названиями музыкальных ансамблей.

– В диковинку, наверное, подобные художества? – иронично поинтересовался Сергей. – Вот так мы живём.

– В диковинку грязь. В Италии, например, исписано всё что только можно и люди уже устали бороться с подобным явлением. А вот грязь... тут убеждения, интересы ни при чём: грязь – первый признак падения, душевной гнили.

– Россия без грязи? – пожал плечами Сергей. – Что-то не припомню: когда-нибудь такое было?

– Как сказать! Помнится, Пушкин писал: «приют убогого чухонца». Посмотрел бы он сейчас на этих чухонцев!

– Да, но зато у них нет Пушкина.

– Пушкин и грязь – два неотъемлемых понятия? Что-то новенькое!

– Пушкин и гниль. Есть о чём писать, что критиковать. Навоз, удобрения, почва для всходов. А о чём писать, если всё благополучно?

– Забавная теория, – усмехнулся Ролан.

Но возможности развить свою мысль дальше у него не было: они как раз вступили в апартаменты Сергея – крохотную

комнатушку в разбитной, обшарпанной коммуналке.

– Снимаем у одного моего приятеля, – мрачно прокомментировал удивление отца Сергей. – Не бог весть что, но мать так настроена была против нашего брака, что из родной квартиры меня выгнала. Собственно, я сам выписался, когда к первой жене уходил, но её такой поступок не оправдывает.

Подержанная детская кроватка в углу – упершись ручонками в её заграждение, Ролана с любопытством разглядывала годовалая девчушка. С не меньшим интересом посматривала в его сторону и стоявшая у окна молодая мама – худощавая акселератка, по виду молчаливая, даже забитая, очень бледная, уж определённо жизнью не избалованная. Глаза её выражали удивление, смешанное с недоумением: присутствие здесь гладко выбритого, хорошо одетого иностранца было явно не к месту.

– Вероника, – поспешил представить жену Сергей. – А вот и наша Любушка!

Любушка тут же радостно потянулась ручонками к отцу.

– Ролан. Ролан Ожье. – Ролан понял некоторое замешательство сына – не назвать ли отца его настоящим, русским именем – и поспешил прийти к нему на выручку.

Однако Сергей не удержался всё же от того, чтобы не сосречь по этому поводу.

– А значит, и я теперь не Сергей Юрьевич Язев, а ни много ни мало мсье Серж Ожье. Французик, вот только не из Бордо,

а коренной москвич.

– Обедать будете с нами? – тихо перебила остроты мужа Вероника. – Я пирог испекла. С яблоками. Как мне называть вас, «шер месье»: мсье Ожье, Ролан или... папа?

Сергей разозлился, тщетно пытаясь отыскать признаки иронии на лице жены.

– Что ж, тогда уж лучше с ударением на последнем слове! Санта Симплиссита! – Он пояснил, повернувшись к отцу: – Святая Простота, я её часто так называю. Что на уме, то и на языке. Но девушка, как ты видишь, чудесная.

Ожье с любопытством смотрел на сына, внезапно смешавшегося, не знавшего, как вести себя в убогой обстановке, в которой ему приходилось обитать и с которой он, в общем-то, смирился, только сейчас как бы посмотрел на неё другими глазами, со стороны.

– Ну, так где же обед? – поспешил разрядить атмосферу Ролан. – А называйте меня, как хотите, хоть д'Артаньяном. – Сергей, ты лучше подскажи мне, где здесь можно руки помыть. Хотя, пожалуй, сначала я всё-таки распакую чемодан.

– Ладно, – кивнул Сергей, – тогда я первый – сполоснусь немного. Я ненадолго.

Обычно Ролан не утруждал себя поисками сувениров, покупал что-нибудь в аэропорту или рядом с ним, но тут случай был особый. Сыну он отложил авторучку «Паркер» и дорожный несессер с бритвенными принадлежностями, не очень-то заботясь как тот на эти дары его прореагирует, а вот новой

снохе, о существовании которой ещё неделю назад он даже не подозревал, угодить хотелось бы... К счастью, Вероника оказалась не из тех, кто смотрит в зубы дарёному коню: косметическому набору, духам «L'Air du Temps» – («Дух времени») от Нины Ричи и кожаной сумке с традиционным силуэтом Эйфелевой башни обрадовалась безмерно. Много перепало бы и Любушке, если бы о ней знать, а пока... радиоуправляемый робот – гвоздь программы, предназначенный для обожаемого внука Ромки, так и остался невостребованным.

– И ещё... – Ролан вручил Веронике купюру в сто долларов. – Я не успел поменять валюту в аэропорту, но, надеюсь, это не проблема? Купите что-нибудь на десерт, только не бутылку: вино я сам выбрал. А остальное оставьте на подарок Любушке. Так получилось, что Сергей решил сделать мне сюрприз. Понимаете, что я имею в виду?

Смущённо улыбаясь, Вероника кивнула и торопливо стала собираться.

На какое-то время Ролан остался наедине с внучкой, которая крепилась изо всех сил, чтобы не разреветься при виде совершенно незнакомого дяди.

– Вот и прекрасно, – приглаживая мокрые волосы, воскликнул Сергей, вернувшийся из душа. – Советую и тебе, па, немного освежиться, пока соседи на даче. Условия не ахти, конечно, но вода везде вода. Кстати, а где Вероника?

Его так и передёрнуло, когда он узнал о поручении, кото-

рое дал его жене отец.

– Па, ты что?! Это же Ника, Маугли! Ты её совсем не знаешь!

– Что такого, – растерянно пожал плечами Ролан, – помянуть деньги? По-моему, у вас все ограничения давно отменены.

– Плёвое дело, конечно. Для кого угодно, но только не для Ники. Ладно, заварил кашу – теперь сиди здесь и нас дождись. За Любушкой присмотри! – Сергей вихрем вырвался из квартиры.

Впрочем, отсутствие его продолжалось недолго: в своём районе он ориентировался прекрасно. Ника выглядела угрюмой: по всему было видно, что дело не обошлось без происшествий.

– Ладно, – Сергей молча вернул купюру отцу. – Думаю, на десерт нам и пирога вполне хватит. С яблоками. А на будущее, пап, – десять раз подумай, прежде чем доверить какое-нибудь поручение своей драгоценной снохе.

– Ну и что особенного я сделала? – несмело попыталась возразить Ника. – Зачем брать меньше, когда можешь получить больше? Тот мужчина...

– Тот мужчина хотел тебя «сломать» и «сломал» бы, если бы я не подскочил вовремя, – ответил ей в запальчивости Сергей.

– Сломать? Я что, кукла, по-твоему? – не на шутку обиделась Вероника.

– Господи! И вот так каждый день, – в отчаянии вздохнул Сергей. – То ей апельсинов хочется, когда у нас денег на хлеб нет, то в лотерею какую-нибудь для «лохов» встрянет. – Сергей понизил голос: – Па, ты уж следи за ней, она нормальная, совершенно нормальная, просто такая – радуется всему, верит всем... одним словом, Маугли.

– Всё равно, ты не прав! – угрюмо возразила Вероника. – Особенно насчёт лотерей: я могла в тот раз выиграть. И вообще, я в своём дворе не только девчонок, но и мальчишек всегда, во все игры обыгрывала. Я не дура!

– Я и не говорю, что ты дура, – вздохнул Сергей. – Просто играла с бандитами. А у бандитов не выигрывают.

– У любого можно выиграть, ты ничего не понимаешь, – Вероника была непробиваемой.

Сергею было страшно неудобно перед отцом, но замять сцену ему так и не удалось.

– Что я говорил? И вот так постоянно! – безнадежно махнул он рукой.

– А это мы сейчас проверим, – попробовал спасти положение Ролан. – Сразу после обеда и сразимся. Только всерьёз, на деньги. В картишки, к примеру.

– Пап, ну что ты делаешь? Разве можно в таких делах потакать человеку? – растерянно пролепетал Сергей, но дальше не стал расшифровывать, что он имел в виду. – Давайте-ка лучше обедать.

Ожье никогда не был гурманом, но обед с любой точ-

ки зрения был отвратительным. Готовить Вероника совершенно не умела, хотя сама отличалась завидным аппетитом. Но она сейчас не обращала никакого внимания на то, что ест: все её мысли были заняты предстоящим поединком.

– Слушай, где ты её такую откопал? Это ж надо уметь! – не удержался от вопроса Ролан, когда они с Сергеем вызвались помыть посуду на кухне.

– Кимры. Не слышал о таком местечке? Ещё в советское время я плыл на теплоходе в Ленинград и сподобился побывать там. Честно признаюсь, такой нищеты я нигде не встречал. А тут иду себе по улице, задумался о невесёлом своём житии-бытии, а меня вдруг спрашивают: «Простите, пожалуйста! Не подскажите, как проехать к МГУ?» Я в ответ: «Мгу (то бишь могу) проводить. А вы сами-то откуда будете?» Понимаешь, па, дело не в «где» или «откуда» – дело в человеке. И я ни о чём не жалею. Помимо недостатков, у Ники масса достоинств. В сексе, например, я ничего подобного не встречал. Я люблю её, па, нравится тебе или нет, уж как-нибудь примиришься с этим. Ладно?

Ролан хотел ещё о многом сына расспросить, но их разговор прервала Вероника, азартно тасуя затёртую до дыр карточную колоду.

– Ну что, вы долго тут будете разговорами заниматься? Пора уже! Кстати, я вас подслушивала. Сразу предупреждаю один из ваших вопросов, «шер месье»: в МГУ я так и не поступила.

Прилететь из Парижа по отчаянному письму, выдержать горький и нелюбезный разговор с сыном для того только, чтобы потом, после дрянного обеда, сесть втроём за карточки? К счастью, было вино, великолепное вино, которое Ролан прихватил в шереметьевском «магазине свободных цен». И ещё предстояло зрелище, уникальное в своём роде. Вероника была неподражаема, играла азартно, отключась от всего на свете, с ужимками, подвохами, непременным хлопаньем в ладоши при каждом выигрыше. Ролана карточные игры никогда не увлекали, а Сергей и того хлеще: выглядел в них полным профаном, поэтому Ожье очень скоро поднял вверх руки и сказал, что ему пора ехать, устраиваться в гостиницу.

– В гостиницу? Почему не у нас? – в очередной раз выказала свою непосредственность Вероника.

– Таков порядок! – развёл руками Сергей. – Я подвезу тебя, па. Зачем тебе на такси тратиться?

В машине они какое-то время молчали в смущении, затем Ролан со вздохом пробурчал:

– Слушай, а её папа и в самом деле инженер? Ты не обмолвился, случайно?

– Ну, соврал. Тракторист. Обыкновенный тракторист. С утра до ночи в поле. В свободное время самогон. Знает это дело в совершенстве. И употребляет, соответственно. Кстати, до сих пор в его жизни ничего не изменилось. Я имею в виду здоровье. Меня переживёт. Мать – тихая набожная

женщина. Да, не учительница. Доярка или скотница, не знаю, как там у них что называется. Муж частенько её поколачивает, что обоими воспринимается как явление само собой разумеющееся. Восемь детей в семье, родственников вообще тьма тьмушая. Есть и «сидельцы», как же без них. Но сама Вероника, хоть и дралась с ребятами до крови, никаких конфликтов с законом никогда не имела. На деньги в карты начала играть только со мной, сказала, что я совратил её. Природный дар. Кстати, девушкой оказалась, но быстро разобралась. Тоже дар, как я тебе уже говорил. Но вот насчёт пить – в самых редких случаях. Слышал, как она о нас сказала? «Два сапога пара!»

Ожье промолчал, сожалея, что так быстро выявился его порок. Сергей вздохнул, так и не дождавшись ответа.

– Я тоже, перед тем, как Нику встретить, здорово увлекался этим делом. Началось сразу после разлада с женой – скатился довольно быстро. Из редакции вышвырнули, хотя и не бог весть какая была наша газета, последний мой оплот. Собственно, начинал-то я в «МК», то бишь «Московском комсомольце». Дал зарок Нике, с тобой вот только первый раз сорвался. Ты больше не предлагай, ладно? Ну а тебя-то как угораздило? Стаж приличный, меня в таких делах не проведёшь, сам всё испытал до мельчайших подробностей. Собрата вижу издали, в любом распознаю.

Ожье не хотел продолжать неприятный для него диалог – он ограничился коротким:

– Когда жена заболела, уже не мог этого переносить. Может, мне тоже зарок дать? Теперь у меня сын, любимый сын, странная, но прекрасная сноха и уж совсем очаровательная внучка. Есть ради чего.

Сын серьёзно кивнул.

– Да... ты уж позаботься о них.

Ожье хотел было переспросить, почему «о них», а не «о нас», но мысли его вдруг приняли другое направление.

– Слушай, я уже понял: никакие мои накопления от здешних проблем тебя не спасут: не те деньги, да и нищета, что я сподобился сейчас лицезреть, просто крошечная. Почему бы вам не перебраться навсегда отсюда? Как тебе такой вариант?

Сергей сделал вид, что задумался, хотя было яснее некуда, что из-за одних только денег он не написал бы своё безысходное письмо.

– Ну а там? Там на что может хватить этих твоих «тугриков»? – наконец робко спросил он.

Ролан пожал плечами, прикидывая.

– Небольшой коттедж, средненькое, весьма средненькое авто и скромненький задел для того, чтобы получить какую-нибудь специальность. Всё, дальше сам. Как получится. По срокам уйдёт пара лет. С моей помощью, разумеется. И ещё при условии, что ты не будешь зельем злоупотреблять. От чего у нас очень трудно удержаться, между прочим.

Во Франции вино как вода. Не по качеству, конечно, а по потреблению. Ну и как, годится тебе?

– Ну а ты сам? Не планируешь в ближайшем времени вновь жениться? Ты ведь ещё совсем не стар.

– Нет, исключено, – покачал головой Ожье. – Теперь тебе должно быть понятно, почему я в последнее время запустил свои дела. Сейчас появился стимул привести их в порядок. Во всех случаях вами, если ты это имел в виду, у меня будет возможность заняться. Ну, так что, ты подумал? Решил что-нибудь?

– Я давно решил, – загадочно усмехнулся Сергей, но как-то не слишком весёлой вышла у него усмешка.

Ролан не стал настаивать и расспрашивать дальше. Для него было слишком важно то, что происходило у них сейчас с сыном. Господи, неужели после долгого перерыва у него наконец вновь появится полноценная семья? Сын, внучка, даже простоватая, с некоторым приветом, сноха. Он будет переживать заново хлопоты по обустройству, вновь на полную мощность включится в борьбу за существование.

– И кем бы я смог там работать? – поинтересовался Сергей. – Журналистом?

– Нет, вряд ли, с нашим братом там явно перебор. Я бы тебе порекомендовал выучиться на программиста, если ты, конечно, в ладах с компьютером. Верный кусок хлеба надолго. Ну а вообще у меня масса друзей, связи во многих странах мира. Устроить тебя не проблема. Главное, чтобы дело

было тебе по душе.

Сергей кивнул.

– Хорошо, мы ещё поговорим на эту тему.

– Конечно, – согласился Ролан. – Только не затягивай.

Кстати, какие у тебя планы на вечер? Может, сходим втроём в ресторан?

– Понятно, – ухмыльнулся Сергей, – готовка моей жены любого достанет.

– Нет, ты не понял, – ничуть не смутился Ожье. – Вопрос не в том, чтобы поесть, а в том, чтобы развлечься. Да и не только развлечься. Вам надо потихоньку привыкать к другой жизни. Понимаешь? Ну и заодно отпразднуем нашу встречу!

Номер был небольшим, но глаза Сергея округлились, увидев, какую сумму заплатил отец.

– Не переживай, – подмигнул тот, перехватив его взгляд. – Нельзя иначе. Положение обязывает. Кстати, давай тебе телефон купим, мне бы не хотелось как-то и где-то подолгу тебя разыскивать, нужна постоянная связь.

Глава 6

Выловив в меню телефона номер Сергея и нажав на кнопку вызова, Ролан поднёс трубку к уху и, подняв глаза, прищурился на солнце, которое проникало через застеклённую крышу торгового центра. Бутик, в котором находился Ожье, был расположен на последнем этаже здания. Сквозь стекло витрины можно было видеть лестницы и галереи, по которым спешили покупатели, суетливо перебегая от одной двери к другой. А здесь, в небольшом отдельчике, было уютно и спокойно, играла тихая музыка, работал кондиционер и пахло цветочными духами.

– Алло? – послышался в трубке голос Сергея.

– Серёж, это я. Продиктуй мне, пожалуйста, свой точный адрес. Я подобрал вам кое-какую одежду для сегодняшнего вечера, её доставят через пару часов.

– Пап, – нерешительно пробормотал Сергей, – я тут подумал, это обязательно, а? Ну, насчёт ресторана?

– Сынуль, я тебе уже сказал: пора привыкать к другой жизни. Желательно, очень желательно. Я тебе потом всё объясню.

Сергей снова замялся.

– Дело даже не во мне, а в Веронике. Впрочем, лучше ты сам с ней поговори.

Вероника, должно быть, уже вырывала из рук мужа теле-

фонную трубку. Ролан внезапно представил их совершенно голыми, утомлёнными после любовных утех. Во всяком случае, голос снохи выдавал как раз что-то в этом духе.

– Папа, кстати, мы так и не решили, как мне к вам обращаться: может, «шер папа»? Я, между прочим, как раз проходила в школе французский. А ещё лучше – может на «ты» перейдём? Просто я хочу сказать, что Серёжка у нас жуткая вредина. Я всего лишь хотела вас – тебя спросить, нельзя ли мне, раз уж мы идём на такое торжественное мероприятие, пригласить свою лучшую, можно даже сказать единственную подругу? Всего только спросить. Нет так нет. А он мне жуткую сцену устроил. Ни за что не прощу! Раз мы муж и жена, ты, значит, нас должен любить одинаково, правда? А он ревнует! Да, да, ревнуешь! Просто Отелло, признайся! Не дам телефон, не отдам!

Затем последовала какая-то борьба, быть может забавная. Хотя, возможно, Сергей слишком серьёзно отнёсся к происходившему разговору.

– Сам видишь, ничего не выйдет на сегодня. Может, как-нибудь в другой раз? – смущённо вздохнул Сергей, завладев наконец телефоном.

Ролан поспешил перехватить инициативу на себя.

– Ладно, дай ей трубку, я сам разберусь.

– Дурак, он мне руку вывихнул, – тут же поспешила пожаловаться Вероника.

– Чуть не вывихнул, – уточнил Ожье.

– Почти вывихнул, – сделала небольшую уступку Симплиссита.

– Чуть не вывихнул, – стоял на своём Ролан.

– Мог вывихнуть, – согласилась наконец на его трактовку сноха.

– Ладно, пусть будет подруга, – сдался Ожье. – Размеры, быстро говори. Время – деньги, у нас ещё будет возможность бесплатно поговорить. Кстати, на «ты» и только на «ты» принимается. Никаких «мсье», никаких «Ролан», только папа – меня так вполне устраивает.

– Что за размеры? Па, ты верно угадал: ты никем здесь не занят, вот я и хочу пригласить подругу, чтобы скрасить твоё одиночество, тем более что она так мне позавидовала, узнав, куда я собираюсь. И да, она совсем не толстая, что-то вроде меня.

– То есть, М или L, рост где-то 180—185?

– 172, если точнее. Она пониже меня. А размер – М, скорее. У вас там что, в ресторане такие узкие двери? Или по весу пускают? У кого вес больше, чем положено, сразу в подвал проваливается?

– У нас ещё учитывается объём талии, бёдер. Больше, меньше, чем у тебя?

– Ты такой привередливый, па, на тебя не угодишь. А у нас говорят: главное – чтобы человек был хороший. Ну, стройнее, чем я. И в талии, и в бёдрах. Я просто сладкоежка. Ещё Сергею так больше нравится. Он не говорил?

– Ладно, хорошо. Теперь продиктуй мне ваш с Сергеем точный адрес, заодно и подруги тоже.

Ролан отключил свой «Siemens» и повернулся. Девушка-продавщица, которая терпеливо ждала в сторонке, с вежливой улыбкой шагнула ему навстречу. Он улыбнулся ей в ответ и развёл руками.

– Ничего не поделаешь: кажется, мне понадобится ещё одно вечернее платье.

Закончив с подбором одежды, Ролан расплатился и попросил доставить покупки по адресам, продиктованным Вероникой. Выйдя на улицу, он хотел было сразу вернуться в гостиницу, но что-то удержало его и заставило углубиться в лабиринт улочек и переулков центра Москвы. И он уже не мог остановиться, шёл быстрым шагом, взволнованно разглядывая невысокие дома и витрины магазинчиков, читая таблички на зданиях государственных учреждений и крикливые вывески всякого рода забегаловок.

Почему он раньше никогда этого не делал? Ведь он регулярно приезжал в Москву.

Решив прокатиться на трамвае, Ролан вскочил в вагон и, расплатившись с водителем, прошёл к задней площадке. Двери закрылись, и трамвайчик поехал вдоль бульвара.

Взволнованно улыбаясь, Ожье смотрел на блестящие рельсы, выбегавшие из-под вагона, на скромные старенькие домики, на ветвистые деревья, которые образовывали ал-

лею. Ему вдруг вспомнилось, как Сергей спросил его про ностальгию. Однако можно ли назвать это ностальгией? Тоска по прошлому, по молодости, всего лишь. Причём тут Москва, Париж?

Сбоку показался небольшой пруд. Ожье невольно улыбнулся, вспомнив, как однажды, будучи навеселе, искупался на спор в этом пруду. Случилось это осенью, и вода была ужасно холодная. Он всё прекрасно помнил.

Впрочем, воспоминания подстергали его здесь на каждом шагу. Вон там, за аркой, находилась лучшая в мире булочная. Судя по вывеске, и магазин, и пекарня сохранились. Интересно, они до сих пор пекут те восхитительные булочки с изюмом?

А в этот театр он ходил с Людмилой – своей первой женой и матерью Сергея. Тогда они ещё не были женаты. На ней было тёмно-синее платье с достаточно смелым для того времени декольте.

Книжный магазинчик, уютное кафе, которое теперь превратилось в пиццерию, далёкая колоколенка... Да, он помнил всё.

Ожье внимательно оглядел шагнувших ему навстречу из такси Сергея, Веронику и Алину – незапланированного персонажа. Затем, не дав им время опомниться, тут же подвёл к массивной двери ресторана. Наибольшее его беспокойство вызывала, естественно, Алина.

Ладно, пока не сядут за стол и не раскроют рты, выглядят все трое достаточно прилично.

Расположились они довольно удачно. Хотя зал был уже почти полон, слава богу, несмотря на опоздание, заказанный столик им сохранили и обошлось без недоразумений. Ожье тут же углубился в изучение карты вин.

– Привет, Ролан! Давно в Москве? – У их столика остановился коренастый крепыш с маленькими, ощупывающими глазками. – С чем на сей раз пожаловал? Вроде бы на спортивном небосклоне у нас сейчас полный штиль. Или может, я что-то пропустил?

– Нет, ничего подобного – как говорят у нас в России: тишь да гладь да божья благодать. Я просто здесь по личному делу, – поспешил прояснить ситуацию Ожье. – Кстати, позволь тебе представить: Сергей, мой сын, прошу любить и жаловать. – Он терпеливо дождался, пока Сергей встал и обменялся рукопожатием с «крепышом», которому затем улыбнулся так, как улыбаются только лучшим друзьям: – Но я всё равно подойду – пошептаться.

– Тебя здесь многие знают, – удивился Сергей, заметив, как отец обменивается молчаливыми приветствиями с некоторыми из посетителей. – Странно...

– Ничего странного. Мир тесен. Ну а спортивный мир вообще тесен так, что дальше некуда. Но сегодня здесь почему-то больше тех, кто сидит на политике.

– Выборы. Скоро выборы, – пожал плечами Сергей. – Это

как раз мой хлеб. Кое-кого и я здесь, хоть и только в лицо, знаю.

К их столику подошёл официант с бутылкой вина и налил немного кроваво-красной влаги в бокал Ожье. Пригубив, Ролан одобрительно кивнул и жестом попросил разлить вино по фужерам.

– Что, и это всё? – жалобно пискнула Вероника. – Совсем без закуски? Да мы так моментально сопьёмся!

– Нет, это сомелье, – не оценив юмора жены, терпеливо попытался объяснить Сергей, – официант, который приносит только вино. А закуской – едой, занимается другой официант. Он сейчас принесёт меню, и мы выберем то, что нам надо.

– Ясно, – вздохнула, немного разочарованная занудливостью мужа, Ника. – Спасибо всем! Теперь я твёрдо усвоила: в этой подносной шатии-братии есть подавальщики и поддавальщики, точнее спаиватели.

– Да, ничего не скажешь, – низким грудным голосом, с томным видом, поддержала шутку подруги Алина. – Солидный дяденька. Действительно, похож на сома: такой же толстый, важный, с белым брюшком, даже с усами. Так и хочется шепнуть ему на ушко: «Нырни в мой омут!»

Для Вероники было вопросом престижа, чтобы именно за ней осталось последнее слово.

– Лучше не надо, – наморщив носик, совсем уже карамельно протянула она. – Думаю, он из этих омутов и так

не выныривает.

Ролан огляделся по сторонам. Безусловно, их четвёрка смотрелась несколько странно со стороны и привлекала к ним всеобщее внимание. Рыжая, как морковка, но почему-то маскировавшаяся под блондинку Алина со своим коронным взглядом сонного удава, которым она смотрела на мужчин, моментально меняясь в общении с подругой. Навивная, но непредсказуемая в своей непосредственности дылда Вероника. И главное, их приглушенный нервный смешок, который будил воображение всей без исключения мужской половины зала.

Только Сергей был не на высоте, чувствуя себя явно не в своей тарелке. Однако Ролан был уверен, что к концу вечера его будет не узнать. Две такие «штучки», да ещё на пару, мёртвого расшевелят.

– Вот видишь, – радостно оживился он, – понял теперь? Я не только развлекаюсь здесь, но и работаю. Да, да, ничего не поделаешь, и тут дело на первом месте. Хотя, конечно, собрались мы сейчас совсем по другому поводу. Серёжа, ты не сиди на месте, весели дам, танцуй побольше, причём не только с Вероникой. Я тоже буду к вам периодически присоединяться. Хорошо?

– Хорошо, – согласился Сергей. – Заодно и поедем как следует.

Больная мозоль.

– Кстати, – не удержался от того, чтобы не укорить сы-

на Ожье. Он придвинулся к нему ближе и тихо прошептал, прикрывая рот ладонью: – В том, что Вероника плохо готовит, ты сам виноват. Её можно научить. Уверяю тебя, она очень способная. Я обязательно займусь этим, если вы передёте ко мне. Меня жизнь забрасывала в такие места – поневоле приходилось самому себя обслуживать. Ну что, ты ещё не решил? Ладно, решай побыстрее.

Ролан предусмотрел тот момент, когда Веронике при всём желании трудно, почти невозможно, будет остаться на плаву. Он специально заказал себе то же блюдо, что и она, и тихо шепнул очаровательной снохе, растерявшейся при обилии выложенных перед нею ножей и вилок:

– Не дрейфь! «Шер мсье папа» спешит на помощь! Делай, как я, смотри на меня! – заслужив тем самую благодарную улыбку из всех, каких он когда-либо достаивался в своей жизни.

Глава 7

Ролан очнулся, но никак не мог прийти в себя. Его разбудил странный шум: казалось, где-то поблизости сверлили бетонную стену. Почти минуту Ожье смотрел стеклянным взглядом на облезлый потолок комнаты, прежде чем понял, что источник шума находится в его собственной голове. Ему стало дурно. Где он? Уж точно не у себя в отеле.

Он приподнял голову на подушке, но тут же рухнул обратно, почувствовав головокружение. Затем понемногу, по цепочке, стал восстанавливать события прошедшего вечера.

К сожалению, удержаться не получилось: они все трое, за исключением Вероники, незаметно изрядно нализались. Ну, Сергей, Алина – с ними всё было ясно. Незнакомая обстановка, непонятные блюда, вина. Но он-то, Ожье?

Что там было ещё? Музыка, какой-то известный певец, они даже пригласили его за свой столик. Потом, что потом? Да, он сам, конечно, во всём виноват, но и вовремя удалился, спас своё реноме. И надо было только доплестись до двери своего номера. Но нет, ему непременно нужно было «проводить даму до дому».

И где эта дама сейчас? Наверняка на работе. Ролан встал, в одних трусах пошлялся по квартире. Однокомнатная, скорее всего кооператив, вид из окна на какую-то помойку. Да и в самой квартире чётр голову сломит.

Кажется, был ещё мальчик, лет двенадцати-тринадцати, в роговых, с большой потерей зрения, очках. Мальчика тоже нет, должно быть в школе. Всё логично, всё объяснимо.

Ну а ещё имел место какой-то секс. Второпях, прямо на полу, в кухне. Алина не очень-то старалась, предоставляя ему во всём полную свободу действий. Он так не привык. Какая свобода? Всё равно что с резиновой куклой.

Впрочем, с куклой он не пробовал. И как кукла, Алина готова была пролежать так сколько угодно, положив рядом пачку сигарет, зажигалку, блюдечко вместо пепельницы. Какие-то жуткие, кстати, были сигареты – вонючие и очень крепкие.

Затем очаровательная хозяйка устроила его на диване, сама легла спать с сыном. Приключение. Ничего не скажешь. Но наверное, всё равно лучше, чем если бы он связался с какой-нибудь «жрицей любви». Алина на «жрицу» явно не тянула, но Ролан, как ни странно, был полностью удовлетворён, что было для него немаловажно, так как постоянной подруги у него почти год как не было, проституток же он никогда не жаловал, перебивался на случайных связях, как правило, сочетая, по занятости, удовольствие и работу.

Господи, никакой записки, намёка на завтрак на столе. Сделал своё грязное дело и ушёл. С ним расплатились. Он даже не мог вспомнить, было ли ему приятно. Да, да, именно удовлетворительно. Было удовлетворительно.

Тяжело вздохнув, Ролан снова подошёл к окну и выглянул

на улицу. Затем вдруг почувствовал такой выброс адреналина в крови, что остатков похмелья как не бывало. Как же он мог забыть? Такой профессиональный прокол! Раньше с ним ничего подобного не случалось. У него ведь назначена встреча. На сегодня. Сколько ещё осталось времени? Достаточно, чтобы доехать, но ни минуты на подготовку.

Ночью его разбудил звонок. И разбудил не только его. Алина не удержалась от того, чтобы зло не выругаться по этому поводу. Ожье пришлось запереться в ванной.

Грегори, непредсказуемый Грегори. Его закадычный друг, в последнее время друг и Мориса. Что их объединяло? Трудно сказать. Грегори Мейнард специализировался на политике. И вот сейчас небольшое поручение от него...

Грегори... Успешнейший Грегори. Великолепный Грегори. Дьявольский Грегори. С его потрясающей способностью делать людям предложения, от которых они не могли отказаться. И Ожье никогда не отказывался и на этот раз тоже отказываться не собирался. Искуситель-Грегори.

Ролан выругался вслух, запутавшись ногой в штанине и едва не рухнув на пол.

Хитрая bestия-Грегори. Как будто каким-то особым нюхом почуял... Никогда ещё Ролан с такой скоростью не проматывал деньги. Зачем? Просто хотелось пустить пыль в глаза? И тем не менее в этом мире, мире крайней нищеты, так легко получалось казаться Крезом, волшебником. И у него был благодарнейший зритель. Один, только один, остальных

двоих его замашки раздражали. Особенно Алину. Как она сказала ему вчера? «Вам этого не понять, а я готова на всё, лишь бы мой сын жил в нормальной стране, получил возможность реализовать свои способности».

Всё – это грязный кухонный пол, что ещё она могла предложить? Впрочем, бог с ней, он тоже достаточно с ней расплатился. Платье от Армани. Или под Армани. Во всяком случае, смотрелось прекрасно. Да и вообще всё было замечательно вчера, а самым изумительным, разумеется, то, что это буйство всё-таки вовремя прекратилось.

Глава 8

Рой Корелл стоял, опершись на капот микроавтобуса, и курил, неторопливо беседуя о чём-то с водителем. Издалека увидев Ролана, он приветливо помахал ему рукой.

– Бог мой, сам Ролан Ожье! Какими судьбами? Рад тебя видеть, старина!

Они сердечно пожали друг другу руки.

– Ладно, все в сборе. Пора ехать.

– Все? – удивился Ожье, увидев в «Форд Транзите» осветителей и даже второго оператора в помощь Рою. – Да вас здесь целая команда. Это что, сразу пойдёт в эфир?

– Понятия не имею, – хладнокровно пожал плечами Рой. – Чтобы отказать в чём-то такой звезде, как Грегори Мейнард?! Да разрази меня гром! Хотя взял он меня, что называется, тёпленьким. Я полночи потом сидел на телефоне, собирал ребят. Мы здесь совсем по другому поводу. Тебя-то как в нашу компашку занесло? Ты ведь вроде никогда не занимался политикой.

– А ты вообще знаешь кого-нибудь, кто бы Мейнарду мог отказать? Хотя я не слишком уверен, что справлюсь с его заданием. Кстати, тебе удалось достать то, что я просил?

Рой озадаченно почесал затылок.

– Герберт Уэллс, «Россия во мгле». Знаешь, нелегко было. Во мгле, да ещё ночью. Только на русском. Надеюсь, язык

Отчизны милой ты не забыл? Но главное – вот вопросник, пришёл по электронной почте. Хотя бы просмотри его в пути. Впрочем, тебя учить – только портить. Главное – деньги, а они скоро будут на счёте. Эта чёртова Россия: здесь только на первый взгляд всё дёшево, а на самом деле какая-то прорва! Всё дешево, ничего не хочется упустить. У тебя, как вижу, та же история. Кстати, когда и где мы с тобой в последний раз работали вместе?

Ролану не было нужды напрягать память.

– В Сомали. А когда – лучше не уточнять: угодили в самое пекло. Морские пираты – исторический анахронизм, совсем одуревшие от наркоты, с ног до головы увешанные автоматами и гранатомётами; вожди-правители на уровне людоедов каменного века, но безукоризненно одетые, с университетским образованием – Оксфорд, Кэмбридж, Сорбонна. Дети, пухнувшие от голода. Болезни, казалось бы изжитые во всём мире навсегда.

– Вот и я о том. Как хоть тебя тогда в Африку занесло? В тех краях большим спортом вроде не пахнет. Опять Мейнард?

– Да, я был тогда в Марокко...

– Господи, неисповедимы пути твои! – ухмыльнулся Рой. – Совсем рядом. Как говорят в России, два лаптя по карте. Но зато потом он прекрасную книжку написал.

– Я не в обиде, – махнул рукой Ожье. – Мейнард есть Мейнард. Мы все, журналисты – народ без комплексов. Кстати,

кто этот Кукшин, к которому мы едем сейчас? Не можешь хотя бы в двух словах просветить?

Корелл пожал плечами, поморщился.

– Боюсь, что разочарую тебя: информацией в достаточном объёме я не владею. Какой-то их мелкий лидер. Ну, знаешь, из тех, что выдвигают свою кандидатуру в президенты для создания эффекта массовости, а перед самыми выборами вдруг сходят с дистанции, чтобы основному претенденту не мешать. Но человек новый, неожиданно выплыл. Может, даже какая-то бомбочка в нём: Грегори – тот ещё лис, у него на такие дела нюх, случайно он ничего не делает.

Ролан кивнул и, бросив рассеянный взгляд в окно микроавтобуса, сосредоточился на послании Мейнарда. Хотя, собственно, вникать там особо было не во что: Грегори, несмотря на всю свою эксцентричность, был педантом и обычно достаточно подробно в инструкциях всё расшифровывал. Однако он хорошо знал Ролана и поэтому в конце письма стояла приписка: «Это обязательная часть программы. А вообще – действуй по обстановке. Если вдруг что-то покажется тебе интересным, не стесняйся. Только не переборщи!»

И вот сейчас, благо автомобильной пробки на Садовом кольце им так и не удалось избежать, Ролан лихорадочно пытался запихнуть в себя как можно больше текста из знаменитого труда почтенного английского классика. Его поразило удивительное сходство событий почти вековой давности с тем, что происходило сейчас на его бывшей, то бишь, если

учесть, что СССР уже нет, «исторической» родине.

Кукшин, хотя и выглядел внешне безукоризненно, был немного бледен: при всём желании ему не удавалось скрыть, как он проникнут важностью момента: впервые с начала своей политической карьеры он вызвал такой интерес к себе со стороны западных средств массовой информации.

Он долго и терпеливо разъяснял смысл и предназначение созданной им партии, а Ролан тем временем лихорадочно пытался освежить в памяти последние события, которые происходили в некогда родной для него стране. Партия – кого, собственно, можно было удивить здесь этим словом? «Ум, честь и совесть нашей эпохи», «наш рулевой»... однако в последнее время борьба сместилась в несколько иную плоскость. Днями и ночами ковался мощный чиновничий аппарат, который стремительно прибирал к своим (не к государственным) рукам всё мало-мальски заслуживавшее внимания. Прежние лидеры почти перестали мелькать на экране, всё реже сеяли «разумное, доброе, вечное» со страниц газет. И наконец свершилось: опять полное «заединство», опять «ум, совесть и честь».

И вдруг – человек, выплывший неизвестно откуда. Впрочем, известно. Из недр какого-то совсем замшелого НИИ – научно-исследовательского института. Вроде как чисто случайно. (Мейнард не поленился присовокупить к вопроснику компьютерную распечатку). Его с семьёй выселили из квар-

тиры в центре города под предлогом ремонта, отправили, якобы временно, в самый «спальный» из всех «спальных» районов Москвы, ну а потом, после ремонта, никто не собирался возвращать его обратно. Обыкновенная история, но что-то не надломилось, а, наоборот, распрямилось в ничем не примечательном кандидатишке каких-то там наук. Он обошёл все инстанции, какие только возможно, все суды от районного до Верховного, затем переключился на международные организации. Через объявления в прессе и Интернете разыскал большое количество таких же, как он, пострадавших, и в конце концов дело, после подключения мэрии, решилось в его пользу.

Однако «кандидатишка» слишком был разозлён к тому времени, его уже было не остановить. Из ядра своих активистов он и создал партию, которая поставила себе целью помогать всем «обиженным и обманутым», постепенно расширив круг своих интересов даже до вопросов экологии. Немного став на ноги, они пошли в бизнес, торговлю, производство, вербуя сторонников во всех сферах, став неожиданно силой, с которой уже невозможно было не считаться. Чем дальше от центра, тем сильнее, но подбираясь понемногу и к центру. Как следовало отнестись к этому новому явлению, никто не знал. Люди просто не были к нему готовы.

Но хотя на предыдущих парламентских и президентских выборах 1995—1996 годов Партия граждан России не получила достаточный кворум, чтобы пройти во власть, по-

сколькx их программа: «Всем гражданам России – их долю в распределении национальных богатств» слишком явно совпадала с программой коммунистов, сразу после того, как КПРФ во главе со своим лидером выборы проиграла, интерес к Партии граждан резко возрос.

Кукшин между тем был явно не удовлетворён кругом тех вопросов, что ему были заданы, и жаждал высказаться в полный голос. Такое в планы Мейнарда, как понял Ролан, пока не входило, и поэтому Ожье, дабы не упустить из своих рук инициативу, огорошил «кандидатишку» неожиданной «плюхой»:

– Господин Кукшин, ещё один вопрос, возможно, последний... – Ожье выдержал драматическую паузу. – Вы, несомненно, читали знаменитый труд английского классика Герберта Уэллса «Россия во мгле». Время выявило, насколько он оказался провидческим. Не можете ли вы ответить: есть ли что схожее с той ситуацией, которую описывал Уэллс, и тем, что происходит сейчас? И находите ли вы у гениального фантаста советы, которые считаете полезными и которым можно было бы последовать сейчас?

Удар был явно ниже пояса, а приём совершенно беспроигрышный, однако Кукшин, хоть и не получил возможности высказать свои мысли, всё же сумел достойно вывернуться.

– Насколько я помню, – помолчав, задумчиво проговорил он, как видно, стараясь привлечь к своим словам побольше внимания (раз уж вопрос последний, надо во всех случаях

достойно провести финал), – Уэллс в тех своих очерках настоятельно советовал признать большевистское правительство единственно действенным и законным, призывая все страны Запада, в первую очередь США, не противостоять ему, а именно помогать и сотрудничать, видя в этом единственный путь сосуществования двух систем, но он недаром был фантастом: такой путь, хоть и единственно верный, никого не мог тогда и не сможет сейчас, хотя Россия давно уже не большевистская, удовлетворить.

Ожье кивнул, затем задал наконец тот вопрос, который он долго маскировал, приберегая напоследок:

– То есть если бы в России вдруг сейчас объявилась «жесткая рука», и страна, и правитель этот оказались бы в полной изоляции перед остальным миром? Это очень важный вопрос. Поясните, пожалуйста, правильно ли я вас понял? Как вы вообще относитесь к жестким мерам в руководстве?

Кукшин принял вызов. Или может, осознанно дал завлечь себя в западню.

– Как сказал один немец, Вильгельм Швобель: «Правила игры действуют в обществе до тех пор, пока нет ни крупно выигравших, ни крупно проигравших».

Ага, вот оно! Как раз то, на что намекал в своей приписке Мейнард.

– Интересно! И что потом? – распрямился, буквально встал в стойку Ролан. – Игра без правил?

– Нет, просто игра по другим правилам.

Ролан всегда с восхищением наблюдал за работой телевизионщиков: вот только что они, лениво покуривая, попивая кофе, болтали о всякой чепухе, пересмеиваясь, подтрунивая друг над другом, и вдруг резкая перемена: ни одного лишнего движения, слова. Слаженный, работающий на пределе, единый организм, достигающий высшей точки напряжения. Что-то сравнимое разве что с работой авиадиспетчеров, по своей вредности для здоровья, разумеется, тоже. Да и сам он был выжат как лимон сейчас: противник ему попался весьма достойный.

– Ты идёшь? – Рой, закинув на плечо камеру, уже стоял у выхода.

Ролан кивнул и последовал за ним.

– Ну и как я тебе? – промямлил Ролан, не решаясь посмотреть в глаза Кореллу.

– О-очень, о—о-чень оригинально! Запоминающееся зрелище! Если воспользоваться твоей терминологией, что-то похожее на поединок тяжеловеса с боксером «пуха-пера». Тебя только гонг спас. Но по очкам ты выиграл, как ни странно. Вот только...

– Что? Что? Говори! – Ожье был само нетерпение.

– У меня создалось впечатление, что этот тип хотел что-то очень важное сказать, а ты ему в последний момент рот заткнул. А я всё гадал: зачем тебе какой-то замшелый фантазёр-англичанин понадобился? Наверно, тут два сапога па-

ра. Я не тебя имею в виду.

Выйдя из лифта, они направились через холл к двери, которая вела из здания на улицу.

– Да, в наблюдательности тебе не откажешь. И всё-таки, я, как я выглядел, справился или нет, не заporол ли всю...

Ожье не успел закончить фразу: раздался какой-то странный звук, отрывистый щелчок. Пуля пролетела в нескольких миллиметрах над его головой, а Роллан, вместо того, чтобы бежать, пытаться спастись, не мог оторвать недоумённого взгляда от маленького входного отверстия в стене, подобного тому, из которого только что должна была истечь его душа, вместо лба подставив невидимому врагу ещё более привлекательную мишень – свой затылок.

Глава 9

К счастью, Рой быстро сориентировался в сложившейся ситуации, буквально швырнув Ожье на землю. Вторая пуля прошла чуть ниже первой. Вся группа тут же вновь превратилась в отлаженный механизм, не менее, чем себя, стараясь уберечь драгоценную аппаратуру. Но выстрелов больше не последовало, они благополучно проползли к машине, и вскоре их «Форд» уже мчался к Садовому кольцу на предельной скорости.

– Только не туда, – покачал головой бледный как полотно Рой. – Если мы застрянем в пробке, нас перебьют, как цыплят. Попробуем рвануть переулками. Дайте я сяду за руль.

Ему никто не возражал: Корелл был женат на русской и по Москве гонял, как у себя дома, в Нью-Йорке. Пожалуй, и покруче – здесь проще было откупиться.

Ожье, хоть он и был ещё в состоянии, близком к шоку, вовремя сориентировался, увидев в руках одного из осветителей сотовый телефон.

– Не надо, – покачал он головой. – Не надо милицию. Не будем же мы из-за каких-то двух выстрелов, неизвестно кем и по кому сделанных, раздувать международный скандал?

– Стреляли в тебя, Ролан, именно в тебя. Ты ещё не понял? – мрачно пробурчал второй оператор.

– Ну, значит, мне и решать. Я сам всё выясню. Так как, договорились?

Ответом ему было недовольное молчание. Наконец Корелл кивнул.

– Как скажешь. Твоё дело, но если нас будут спрашивать или допрашивать...

– Думаю, никому такие допросы не нужны, – мрачно усмехнулся Ролан. – Высадите меня где-нибудь на углу. Дальше я сам по себе, а вы сами по себе.

Оставшись один, Ожье платком отёр холодную испарину со лба, вытащил из сумки сотовый. Затем передумал и махнул рукой проезжавшему мимо такси.

Алина смотрела на Ожье с плохо скрытой ненавистью. Значит, вчерашняя расплата была недостаточной, «французику» захотелось ещё. Ладно, вопрос спорный, сколько в её женских ласках стоит платье от Армани, но этот раз точно будет последним.

– Лёша должен скоро прийти из школы, – сухо сказала она, видя, что Ролана не пронять ни холодностью, ни презрением.

– Ага, понятно, – кивнул тот и тут же начал раздеваться.

На сей раз действие происходило на диване, но Алина не удосужилась даже простыню подстелить, ограничилась какой-то цветной тряпкой. И всё также курила, равнодушно глядя в потолок, лишь изредка выдавая своё нетерпение ми-

молётным взглядом на часы.

Между тем Ролан ничего не мог поделаться с собой: всякий раз после перенесённой опасности ему до дрожи требовалась женщина, и вот сейчас он зарывался и зарывался в молодое белое тело, пытаясь там спрятаться, укрыться от запоздалой реакции и панического страха.

Наконец он обмяк, и Алина положила руку на плечо Ожье.

– Всё, – сказала она с облегчением.

Ролан откинулся на спину, с трудом вернулся к действительности. Он понял: «всё» в данном случае означает «всё», расплата полная и продолжения никогда больше не предвидится. Ну и ладно! Никаких симпатий к этой невозмутимой не расстающейся с сигаретой Снегурочке он не испытывал, но как же вовремя она его выручила!

Одевшись, Ожье тут же схватился за домашний телефон Алины. К счастью, Сергей не просто оказался не занят, но даже был дома и на просьбу отца срочно приехать откликнулся не без удовольствия.

Пристроившись у окна, Ролан вежливо поздоровался с «жуком в роговых очках», когда сын Алины вернулся из школы. Он знал, что в этом доме никогда больше не появится, но тем не менее рад был переждать здесь время до приезда Сергея.

– Как дела в школе?

– Comme ci, comme ça, – поморщился «жук», выклады-

вая учебники из ранца, в ожидании того, что мать позовет его обедать. – Rien d'interessant! Maman a dit, que vous est Français. C'est vraiment ça? (– Так себе. Ничего интересного. Мама сказала, что вы француз. Это действительно так? (франц. – Прим. ред.)

Приоткрыв рот от удивления, Ожье поймал себя на мысли о том, что произношение у паренька едва ли не лучше, чем у него самого.

Пробормотав что-то невразумительное в ответ, Ролан вновь отвернулся к окну. И как только у подобной мамыши мог получиться эдакий вундеркинд?

Тем более что отец почему-то (хотя, в принципе, можно было догадаться, почему) предпочёл не участвовать в его воспитании...

Мысли Ожье вновь вернулись к недавнему происшествию, однако чем больше он размышлял о нём, тем более нелепой казалась ситуация, в которой он оказался. Может, его с кем-нибудь спутали? Но там же была целая съёмочная группа! За кого ещё его можно было принять кроме как за корреспондента? Или здесь уже и за какое-то паршивенькое интервью готовы вышибить мозги? Если, конечно, эти выстрелы и в самом деле связаны были с Кукшиным. Может, он просто вчера забыл оплатить счёт в ресторане? В этом вся разгадка? Ролан нервно усмехнулся.

Его размышления прервал звонок в дверь. Естественно, Сергей явился не один, а вместе с Вероникой и даже с Лю-

бушкой. Вероника тут же уединилась на кухне с Алиной, как видно очень интересуясь подробностями прошедшей ночи. И, что совершенно поразило Ролана, Алина с удовольствием их смаковала, то и дело перемежая свой рассказ смехом, что уж совсем было удивительно, так как за всё время своего общения с Ожье она ни разу ему даже не улыбнулась. Затем они принялись кормить Лёшу, который никак не мог оторваться от радиоуправляемого робота, привезённого ему Сергеем по просьбе отца, а после него – Любушку; у Ролана оказалось более чем достаточно возможностей для того, чтобы пообщаться с сыном.

– Ты подставил меня. Теперь я точно знаю, – с горечью произнёс он, когда увидел, что Сергей старательно прячет от него глаза, слушая его сбивчивый, эмоциональный рассказ о киллере и его двух пулях.

– Никто не подставлял тебя, па. Просто случайность, совпадение. Откуда я мог знать, что ты попрёшься брать интервью у самого Кукшина, у тебя ведь в планах такого, как мне помнится, не было?

– Нет, ты не юли, не юли, Серёженька, я был в двух шагах от смерти, и только по твоей вине. Меня спасло лишь то, что ваши киллеры совершенно не умеют стрелять.

– Киллеры такого ранга ни у вас, ни у нас не промахиваются, – не выдержал наконец – огрызнулся Сергей. Но тут же попытался успокоиться, взять себя в руки. – Тебя просто предупредили, никто не хотел тебя убивать. Но в следую-

ший раз убьют обязательно, если ты повторишь свою ошибку и вновь сунешься туда, куда тебя не просят. Ты ведь уверял меня, что ты спортивный журналист и не интересуешься политикой, что же произошло? У Кукшина вдруг открылся феноменальный дар голкипера? Или, может, он самого Евгения Кафельникова в теннис обыграл?

Ожье смутился, видя, с какой решительностью Сергей перешёл от защиты к нападению.

– Я не хотел тебя посвящать в такие подробности, па. Сам понимаешь, эйфория встречи, мне дорог был каждый час общения с тобой, но сейчас ты должен срочно уехать. Случайное совпадение, однако оно всё изменило: теперь ты не просто на подозрении – ты уже на мушке.

Ролан молчал, ничего не понимая. Наконец его прорвало:

– Господи, Серёжа, да какой ты журналист? Двух слов связать не можешь! Грамотно, коротко, неужели нельзя объяснить? Как прикажешь мне это понимать? Да, моя профессия совсем не сахарная, я во многих переделках побывал, но вот так, лицом к лицу, со смертью мне встречаться ещё не доводилось. И я не хочу, понимаешь, с жизнью прежде времени расставаться. Я не считаю себя стариком, мне ещё многое предстоит сделать. Скажем так, у меня договорённость с Богом на сей счет: Он подождёт, пока я не разделаюсь хотя бы с самыми неотложными своими проблемами.

Они долго молчали. Наконец Сергей со вздохом произнёс:

– Это не твои две пули, отец. Мои. Не хотелось бы по-

свящать тебя в подробности, но я нахожусь сейчас в крайне сложной ситуации и с самого начала хотел только одного: чтобы ты забрал отсюда Веронику и свою внучку, мою дочь. Здесь они в опасности, да и мне сильно связывают руки. Увези их, на год-полтора, не больше. Ты уверял меня, что деньги у них есть, значит они не пропадут ни при каких обстоятельствах. Ну а я один уж как-нибудь выкарабкаюсь, и их потом обратно заберу.

Ожье вскипел ещё больше, он уже не говорил, а кричал, и только подозрительная тишина, неожиданно установившаяся на кухне, заставила его резко сбавить тон.

– Хватит ходить вокруг да около! Во что ты вляпался? Можешь внятно, доходчиво объяснить? Или хочешь сказать, что у моего сына куриные мозги?

– Па, – ответил как можно мягче Сергей, – во что я влип, тебе лучше не знать. Излишние знания здесь залог твоей смерти. Единственное, что от тебя требуется в данной ситуации, повторяю, как можно скорее, желательно завтра же, убраться из России, но не одному, а с Любушкой и Вероникой.

Ролан беспомощно развёл руками.

– Да невозможно это так быстро, Серёжа, ты думаешь, о чём говоришь? – вздохнул он. – Ведь нужно визу оформить, паспорт. Мы же не в Пензу собираемся. Если положение таково, как ты его преподносишь, надо было задолго до моего приезда начать этим заниматься, я уж не говорю

о вчерашнем дне: он просто был бездарно потерян, что же ты меня в свои планы сразу не посвятил? И до сих пор большую часть информации утаиваешь, скрываешь. Что с тобой? Ты предлагаешь, чтобы вот так, найдя тебя после стольких лет, я бросил тебя, сбежал отсюда поджавши хвост, зная, что тебе угрожает смертельная опасность? Не слишком ли многого ты хочешь от меня? Давай сначала, досконально, прошу, нет, уже умоляю тебя: внятно можешь мне объяснить, зачем, с какой стати тебя потянуло в политику?

Тут в комнату заглянула Вероника.

– Ребята, когда будете обедать? Нам надо знать. Детей мы уже покормили. Но в ресторан не пойдём, это точно. Считайте, что сегодня просто нет настроения. Не беспокойтесь, готовила Алина, так что всё ожидается вполне съедобным.

Слава богу, в кармане Ожье на сей раз было достаточно русских денег, и он тут же спровадил сноху вместе с ее подругой, «богиней секса», в магазин.

– Итак, рассказывай, но на этот раз, повторяю, без двойного дна, – вздохнул Ролан, когда они вновь оказались наедине, – я тебя во все свои дела давно посвятил, теперь твоя очередь.

Сергей долго колебался, затем решился всё-таки на исповедь.

– Эх, хотя бы пивка сейчас! Для храбрости... – Он вздохнул и присел на край дивана. – Ну да ладно. Вот ты сказал, что никогда не был диссидентом, па. Но я всегда, сколько

себя помню, ощущал себя сыном диссидента. Да, мать публично открестилась от тебя и не изменила своего мнения даже тогда, когда вас перестали считать изгоями – наоборот, на какой-то, пусть даже очень короткий, период, принялись превозносить. Я не застал эту пору осознанно, был слишком маленьким, но это не помешало мне, когда наступило время всеобщего отрезвления, наперекор резко переменявшемуся мнению, гордиться, восхищаться тобой. Я так рассуждал, утешая себя: Солженицын, Некрасов, Марченко, Амальрик, Войнович, Буковский – ты вполне мог стать в один ряд с ними, просто не успел. И я твёрдо верил, что, когда вырасту, пойду по твоим стопам. Только по-другому, по-своему. Поскольку правды, справедливости в России за прошедшие четверть века не прибавилось ни на грош. Пожалуй, наоборот, ещё меньше стало.

Сергей встал, сунул руки в карманы и, не глядя на отца, принялся бродить по комнате.

– Ты мой отец, я должен десять раз подумать, прежде чем осуждать тебя, и не исключено, что ты был прав, не запачкав своё имя предательством, отказавшись петь под чужую дуду. Но мне нужно осмыслить всё это, я не могу в один миг перечеркнуть, переменить всю свою жизнь.

Ожье устало усмехнулся.

– «Слова, слова...». Когда же по существу? Сколько можно болтать, Серёженька? В конце концов, дело касается не только меня. За себя сам решаю, но с ними – женой, до-

черью – как? Тоже кинешь на алтарь красивой идеи?

Сергей долго молчал, затем тяжело вздохнул.

– Ладно, я всё расскажу. Суть проста: как ты уже догадался, я состою в партии Кукшина. Партия – тьфу, мелочь, плюнуть да растереть! Для высших звеньев она никакой опасности, даже интереса не представляет: там броня, но есть другая сфера – так называемая «малая политика», где (как это ни покажется на первый взгляд странным) как раз и крутятся самые большие деньги. Ведь прежде чем что-либо разворовать, необходимо сначала в нужную сторону направить денежные потоки. То есть лоббирование, коррупция и лишь потом оголтелое воровство. Так вот: всё было тихо до поры, уравновешено, отлажено, и вдруг, почти по Маяковскому, ворвалась в сие сонное царство на самом пике его неземной благодати орда «рабочих, матросов, голи» со своим знаменитым: «Которые тут временные? Слазь! Кончилось ваше время». Казалось бы, чего проще – крикнуть им: «Пшли вон!», вот только вместо маузеров да пулемётных лент крест-накрест у этих ребят каким-то образом появились очень важные документы – неоспоримые свидетельства и доказательства, убийственный по силе компромат на тех, кто слишком долгое время чувствовал себя безнаказанным. Да ты, наверное, сам «Форбс» читал: наши ротшильды вместо того, чтобы во время вселенского кризиса разориться, увеличили свои и без того заоблачные состояния в разы. Казалось, с чего бы? Да с того, что львиная доля денег, направленных

в экономику вроде как для «спасения нации» была бессознательным образом разворована.

– Понятно, – с горечью откликнулся Ожье. – Так вот почему ты меня вызвал, вот отчего в меня стреляли. Моя миссия – передать эти документы на Запад?

Сергей долго смотрел на отца с недоумением, затем от души расхохотался.

– Па, извини, но кем ты себя возомнил? Ты уж не обижайся, но у нас и в России, и за границей такие люди есть – не чета тебе! «Буря! Скоро грянет буря!» – Он вновь принялся лихорадочно бродить по комнате. – Так, кажется, у Горького? Мы ещё поборемся. А мои паникёрские настроения не принимай всерьёз. Вот только «жена, дети... алтарь красивой идеи» – тут ты не прав, как раз всё наоборот. Да и насчёт себя... Пойми, не стал бы я призывать тебя на помощь без крайней нужды.

Сергей долго молчал, ожидая, что отец придёт ему на помощь, однако Ролан сидел в оцепенении: он был слишком удручён новыми обстоятельствами, которые ему открылись.

– Что ж, тяжёлый у нас получился разговор, но, наверное, без него нельзя было обойтись. Теперь, когда ты знаешь всё, уезжай, па, я тебя очень прошу. И уезжай поскорее. Кстати, паспорт заграничный Веронике с Любушкой, как и визу, я давно уже выправил.

– Ладно, – сделал последнюю попытку переубедить сына Ожье, – но, может, ты всё-таки передумаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.